

Научная статья

УДК 821.161.1-343.09«19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.02

«РУСАЛОЧЬИ СКАЗКИ» А. Н. ТОЛСТОГО КАК АВТОРСКИЕ ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ МИФЫ О ЦВЕТАХ

Самоделова Елена Александровна

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия,

helsa@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Аннотация. Актуальность проблемы заключается в том, что «Русалочки сказки» А. Н. Толстого, созданные около 1910 года, прежде не изучались в плане флористической символики. Цель исследования — выявить сказки писателя, представляющие собой авторские сюжеты, основанные на этиологических мифах о цветах, которые являются мифологическими травами. Все сказки Толстого были проверены на наличие в них цветущих растений, проведена их систематизация. Ведущий подход к исследованию проблемы — показать, что введенные в сказки Толстого мифические цветы используются в ритуалах или включены в важные фольклорные формулы, актуальные для произведений разных жанров устного народного творчества. Толстой с детства читал статьи и научные книги по фольклору, делал выписки из них в отдельную тетрадь и таким образом подготавливал материалы для будущих сочинений, в том числе литературных сказок. Народные поверья о цветах он также слышал от местных жителей Самарской губернии.

Результаты исследования показывают, что Толстой включал цветы не в каждую сказку, существуют произведения и без них. Однако в тех сказках, где цветы присутствуют, они играют важную роль мифологического растения, влияют на судьбу героев, придают произведениям эпохи Серебряного века архаический вид, стилизуют их под фольклорную сказку или быличку, создают родство с народным поверьем, наполняют приметам. Сделанные в статье выводы удостоверяют значимость для Толстого русского и — шире — славянского фольклора, использование его писателем в литературных сказках выявляет особый интерес к древней мифологии. Цветы важны Толстому не для показа красоты мира, а для демонстрации колдовских чар мифологических героев и таинственных сил природы. В отдельных случаях цветение растений указывает на наступление весны или лета, служит средством типизации пейзажа.

Ключевые слова: «Русалочки сказки» А. Толстого, «Иван да Марья», мифические травы, волшебные растения.

Для цитирования: Самоделова, Е. А. (2024). «Русалочки сказки» А. Н. Толстого как авторские этиологические мифы о цветах. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 22–38. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.02>

Original article

UDC 821.161.1-343.09«19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.02

**«MERMAID TALES» BY ALEXEY N. TOLSTOY
AS AUTHOR'S ETIOLOGICAL MYTHS
ABOUT FLOWERS****Elena A. Samodelova**

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,

helsa@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Abstract. The relevance of the problem lies in the fact that «Mermaid Tales» by Alexey N. Tolstoy, issued around 1910, had not previously been studied in terms of floral symbolism. The study aims at identifying those writer's fairy tales that are essentially the plots relying on etiological myths about flowers. These flowers, known to any reader or only to a small group, are represented by mythological herbs. All Tolstoy's fairy tales were checked for the flowering plants depicted in them, later on to be systematized. The leading approach to studying the problem is to show that the mythical flowers introduced into Tolstoy's fairy tales are used in rituals or included in important folklore formulas that are relevant for various genres of oral folk art. Since childhood, Tolstoy studied articles and scientific books on folklore, made extracts from them in a separate notebook and thus gathered materials for future works, including literary fairy tales. He also got to know folk beliefs about flowers from local residents of the Samara province. The research results presented in the article show that Tolstoy did not include flowers in every fairy tale; there are works without them. However, those fairy tales that feature flowers in them, the latter play a key role as mythological plants, influencing the characters' fates, adding a hint of archaism to the Silver Age works, stylizing them as fairy tales or non-fairy prose, correlating them with popular beliefs, and filling them with symbols. The conclusions made in the article confirm the importance of Russian and, more broadly, Slavic folklore for Tolstoy, the writer's wide use of it in literary fairy tales, and reveal the trend of interest in old mythology. Flowers were essential to Tolstoy not for showing the beauty of the world, but for demonstrating the witchcraft of mythological heroes and the mysterious forces of nature. In some cases, the blossoming of plants indicates the onset of spring or the height of summer, being a means of typifying the landscape as well.

Keywords: «Mermaid Tales» by A. Tolstoy, «Ivan and Marya», mythical herbs, magical plants.

For citation: Samodelova, E. A. (2024). «Mermaid Tales» by Alexey N. Tolstoy as author's etiological myths about flowers. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 22–38. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.02>

Введение

Сборник «Сорочьи сказки» А. Н. Толстого и примыкающие к нему неопубликованные при жизни писателя ранние сказки можно разделить на два типа: 1) с фольклорной основой, включающие в себя преимущественно персонажей быличек и народных поверий, написанные в соответствии со сказочной поэтикой; 2) без мифологического содержания, посвященные бытовым темам и ориентированные на детей. В названных группах авторских сказок в разной мере встречаются упоминания цветов, а часть произведений обходится без них. При сравнении сказок Толстого с устно-поэтическими сюжетами, которые просматриваются в них (то как сюжетный стержень, то как отдельные действия фольклорных персонажей, то как их поведенческие моменты, то как черты ландшафта), необходимо обратиться к цветочной образности в устном народном творчестве. Образы цветков в целом не характерны для русских фольклорных сказок, хотя имеются целые сюжеты, получившие известность в народной среде и у фольклористов именно по названию цветов: «Девушка-цветок» (Сравнительный указатель сюжетов, 1979, СУС 407), «Аленький цветочек» (Сравнительный указатель сюжетов, 1979, СУС 425 С); оба сюжета связаны с превращениями героев и относятся к жанровой разновидности волшебных сказок. Имеются и другие народные сюжеты, в которых цветок (цветущее травянистое растение) не выведен в заглавие и не связан напрямую с главным героем (героиней), но также выполняет подсобную роль, соотносящуюся с несчастной девушкой, например «Чудесная дудочка» (Сравнительный указатель сюжетов, 1979, СУС 780). Вероятно, некоторые сказочники могли приукрасить девушек-героинь и место действия сказки, используя цветочную образность, но это уже их индивидуально привнесенные детали сказочной поэтики. Соответственно и Толстой в мифологически ориентированных сюжетах «Сорочьих сказок» выступал в роли такого сказочника, применявшего различные элементы сказочной и индивидуальной символики. Кроме того, Толстой ощущал себя писателем-символистом в начале творчества и в некотором роде демиургом, а цветок (он же флорознак, флорообраз и флоросимвол) воспринимал древнейшим культурным знаком, до сих пор актуальным и способным вместить в себя новые эстетические смыслы (Хетагурова, 2022, с. 2846, 2848–2849).

Методология исследования

Современное литературоведение обратилось к флороязыку как к «медиатору трансляции культурных смыслов» в области флоропоэтологии (Смирнова, Кузуб, 2023; Дякина, Парамонова, 2021); актуализировалась тема цветочной образности в поэтике символистов и вообще писателей начала XX века (Аркатова, 2021; Ковалева, 2023; Полякова, 2022; Разумовская, 2023; Сергеева, Чэн, 2021, и др.), однако семантика цветов в ранних сказках Толстого еще не изучалась.

В целом сказки Толстого хотя и содержат сугубо сказочных персонажей, но больше уходят истоками своих сюжетов в мифологическую прозу, а ее цветочная символика не исследована, и даже вопрос о ее наличии или отсутствии не поставлен. Тем не менее ясно, что писатель заимствовал мотивы и образы для «Сорочьих сказок», особенно для раздела «Русалочки сказки», из прочитанных книг и статей по славянской мифологии, и круг его чтения определен и изучен. Следовательно, необходимо сопоставить героев сказок писателя и опубликованные описания персонажей сказочной и несказочной прозы, находившиеся в поле зрения Толстого, а также сравнить любые реалии этих словесных миров на предмет выявления в них цветочной тематики. При этом станет понятно, какие флористические заимствования делал Толстой из фольклора, как книжного, так и изустного, знакомого ему с детства в Самарской губернии, а какие цветущие растения вводил в свой сказочный мир иным путем, например из личных наблюдений над природой, из прочитанных художественных и ботанических книг. В его личной библиотеке в более позднее время, когда он уже жил в Москве, сохранилась «Ботаника для юношества» (Ботаника для юношества, 1826) (Инв. № 30. 232558; инвентарная тетрадь Музея-квартиры А. Н. Толстого в Москве). Также Толстой наводил справки в имевшемся у него «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона, 1890–1904) (Инв. № 500-549. 232287–232334, инв. № 468-493. 232335–232365. Музей-квартира А. Н. Толстого в Москве). «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона был важен Толстому не только своим универсальным справочным характером, но и тем, что писатель сотрудничал с этим издательством: 14 декабря 1923 года подписал с ним договор и опубликовал книжечку «Кот — сметанный рот» (Толстой, 1924, с. 11); также он получал отклики критики в разных журналах, принадлежавших этому же издательству, в том числе рецензию (В. <криптоним>, 1910, с. 157).

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля писатель использовал при написании сказок, об этом свидетельствует их анализ; косвенным доказательством служит фраза из статьи «Мое творчество» (1927): «Никогда не смотрю в словарь Даля, хотя было время, когда заглядывал»¹. (Толстой, 1949, с. 553). Вторая жена С. И. Дымшиц-Толстая (1884–1963), невенчанная спутница писателя, художница и его литературная муза в 1907–1914 годах, мать их дочери Марьяны, упомянула «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, привезенные Толстым во Францию как раз в ранний период творчества, когда он работал над «Сорочьими сказками»: «От работы над стихами он перешел к прозе, по-прежнему так же упорно занимаясь языком народного поэтического творчества. <...> его особенно интересовали собрания русских сказок, в частности, любимое им афанасьевское собрание» (Воспоминания, 1982, с. 55–56).

¹ Впервые опубликовано: 30 дней. 1927. № 12. С. 56–57.

Ход исследования

Сказка «Иван да Марья» Толстого уже своим заглавием намекает на многозначность содержания: ее героями могут быть два человека с самыми распространенными со времен крещения Руси мужским и женским именами, но так же называется цветок; по сути, писатель воссоздал этимологический миф о брате с сестрой — как раз о возникновении и названии необычного растения *Melampyrum nemorosum* L. из семейства Заразиховых — с желтыми цветками и фиолетовыми листьями на верхушке стебля. Интересно, что в словаре В. И. Даля цветок иван-да-марья не упомянут, хотя приведены народные названия — «иван-трава, иван-чай, раст<ения> *Epilobium angustifolium*, кипрей, копорский-чай, скрыпун» и иные диалектные синонимы, с указанием: «Он идет на подмеску чаев, обще со спитым чаем, из гостиниц» (Даль, 1881, т. 2, с. 807), хотя до сих пор русские люди в сельской местности собирают эту траву и с удовольствием пьют напиток из нее. В. И. Даль привел другие растения, чьи названия произведены от имени Марья: марьин башмачок, марьин корень, марьянник (Даль, 1881, т. 2, с. 305, 307); последнее наименование с ботаническим толкованием — «растенье *Melampyrum*» — является синонимом к цветку иван-да-марья — *Melampyrum nemorosum*. «Иван да Марья» — единственная сказка Толстого с двойственной семантикой заглавия, с возможностью трактовки названия в честь цветка, а не только людей.

Структура сказки, напоминающая этимологический миф о превращении людей в растения, в определенной мере была обусловлена символизмом как литературным течением, к которому Толстой причислял себя в ранний период творчества, когда он сочинял авторские сказки в народном духе. Спустя более 30 лет, 9 апреля 1941 года, в «Выступлении на творческой конференции московских писателей (О “Русской сказке” Л. А. Лазарева)» А. Н. Толстой рассуждал об обращении символистов к народной сказке: «Русский символизм был рожден в идее дуалистической двуликости мира. Это — святая София и Астарта, Христос и антихрист. <...> Это было возрождение <...> того самого русского фольклора, который после Пушкина и Гоголя снова получил большое влияние, но на других основах» (ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. № 957/4. Л. 1–2. Машинопись. Стенограмма с правкой неустановленного лица).

«Иван да Марья» не первая опубликованная сказка Толстого, имеющая мифологический сюжет. Первыми вышли в свет детские сказки на бытовые темы: в журнале «Тропинка», № 1, от 1 января 1909 года, были напечатаны сказки «Еж-богатырь», «Мудрец» и «Топор» (Толстой, 1909, с. 34–38); последняя интересна полиграфическим оформлением: сопровождается рисунком березовой рощи и повторяющейся цветочной виньеткой в начале и после текста. Виньетки с букетами и отдельными цветками были очень популярны в то время, нельзя исключать внимания к ним Толстого, что вместе с другими зрительными цветочными образами и вычитанными или услышанными

историями про цветущие растения побудило писателя ввести в свои сказки символику цветов.

Первым изданием мифологической сказки Толстого можно считать «Полевика», напечатанного вместе с двумя другими сказочными произведениями («Картиной» и «Зайцем») в литературном альманахе «Колосья» (Колосья, 1909, с. 161, 163–168). «Колосья» значатся под № 5424 в «Перечне... книг», поступивших в Главное управление по делам печати с 11 по 18 марта 1909 года (Книжная летопись, 1909, с. 7, № 5424); следовательно, Толстой подготавливал к печати бытовые и мифологические сказки (при всей условности разграничения тематики) одновременно.

Книга «Сорочьи сказки» А. Н. Толстого вышла в конце 1909 года, хотя помечена 1910 годом на обложке, и включает 41 сказку, еще без разделения на циклы (разделы) (Толстой, 1910). Два раздела — «Русалочки сказки» и «Сорочьи сказки» — появятся в книге «Приворот» в 1923 году. Первый раздел включает в себя 14 сказок: «Русалка» (с. 5–8), «Иван да Марья» (с. 8–10), «Ведьмак» (с. 11), «Водяной» (с. 11–13), «Кикимора» (с. 13–14), «Дикий кур» (с. 14–15), «Полевик» (с. 15–16), «Иван-царевич и Алая-Алица» (с. 16–17), «Соломенный жених» (с. 17–20), «Странник и змей» (с. 20–22), «Проклятая десятина» (с. 22–23), «Звериный царь» (с. 23–25), «Хозяин» (с. 25–26), «Синица» (с. 26–33) (Толстой, 1923).

В сказке «Русалка» из цветов упоминается только куриная слепота — как признак наступившей весны: «Зазеленела на буграх куриная слепота, запахло березами, и девушки у реки играли в горелки, пели песни» (Толстой, 1923, с. 8). Интересно, что в словаре В. И. Даля куриной слепотой называется лишь глазная болезнь, а желтые цветы носят сходное название: «Курячья слепота, несколько растений: *Rununculus arvensis*, жабник (лютик) полевой; *Caltha palustris*, желтоголовник, желток <калужница болотная>; *Chelidonium majus*, чистотел, чистик, ластовица, бородавник. Курячья слепота, раст. *Lamium purpureum*»; также отмечены мокрица — курячи-черёва и еще множество растений под названием курслеп, в том числе известные как курячья слепота (Даль, 1881, т. 2, с. 228).

Если Толстой под куриной слепотой понимал лютик едкий с желтыми цветками, то он с его помощью решал сразу две задачи: 1) указывал доминирующий зелено-желтый цвет весеннего пейзажа, причем желтизна уже заложена в зрительном восприятии цветка, вопреки описанию «зазеленела на буграх»; 2) изображал ядовитое растение под стать вредоносному поведению главной героини — русалки, с ее демонической природой, сгубившей деда и приведшей к казни kota. Продолжение фразы — «запахло березами» — дает неявную отсылку к сути стихийного духа: русалки в русском фольклоре появляются весной в тех местностях, где сажали коноплю для выработки конопляного холста и масла, они любят качаться на ветвях берез, как на качелях (цветение берез при этом не акцентируется); им посвящена Русальская неделя после Троицы (реже совпадает с Купальской неделей), и затем их провожают с особыми

песнями (этому посвящен специальный календарный обряд «водить русалку»). Облик фольклорной русалки неизвестен, хотя ее изображали ряженые (растрепанные девушки в одних белых рубахах, парни с чучелом коня и др.), но Толстой отталкивался от классической литературной линии с представлением русалки полурыбой-полудевушкой, что было заимствованием из западноевропейского фольклора. К крестьянам России такой образ проник под названием «фараонка» под влиянием библейского сюжета о затонувшем в море фараоновом войске, погнавшемся за Иисусом Христом и его народом; на Русском Севере резными фараонками украшали корабельные доски и карнизы на избах.

Неслучайно за «Русалкой» сразу же следует «Иван да Марья»: эта сказка продолжает русалочью тему и переводит главную героиню первой сказки в ее растительную ипостась: «Негде упрятаться русалкам-мавкам, и в тихие вечера, в лунные ночи уходят они из вод озерных и хоронятся в деревьях, и зовут их тогда древяницами» (Толстой, 1923, с. 8). Однако на сей раз водной русалкой оказывается девушка Марья, причем она вступает в хороводы русалочки, русалки-мавки чествуют ее венком и утаскивают вглубь озера — в жены водяному. Толстой показывает способность Марьи менять свой русалочий статус (писатель объединил два типа русалок — славянский и германский): «<...> царь водяной меня в жены взял, теперь я древяница, а с весны опять русалкой буду...» (Толстой, 1923, с. 9). По схеме древних мифов писатель создает двойной авторский миф — близнецный и этиологический, но делает это неявно: у девушки есть брат (Толстой умалчивает о том, является ли он двойняшкой-близнецом), она оборачивается не только озерной русалкой, но и древесной, превращается в липу; в конечном итоге вернувшая человеческий облик Марья возвращается к брату — «И живут неразлучно до сих пор и кличут их всегда вместе — Иван да Марья, Иван да Марья» (Толстой, 1923, с. 9). Писатель не упомянул о цветке иван-да-марья, но читатель, следуя мифологической логике, домысливает этот растительный образ.

Липа описана как дерево с удобным лубовым слоем: из липовых лык плетут лапти, этим занимается и Иван. Когда он ободрал дерево, оставил голую липку, то на него нашло навождение, известное в народе как многократное кружение по одному месту, где водит нечистая сила: «А лапти сами на старое место загибают... Рассердился Иван, замахнулся топором и хочет липку рубить» (Толстой, 1923, с. 9). Голая липка заговорила человеческим голосом, признаваясь в родстве с братом и в умении заговаривать (свойственном колдуньям или хотя бы необычным людям): «Когда ты с меня лыки драл, наговаривала я, чтобы не уходил отсюда далеко». Она же, липка Марья, обладает сокровенным знанием, как уйти от водяного и вернуть человеческий облик: «<...> найти нужно Полынь-траву на зыбком месте и мне в лицо бросить» (Толстой, 1923, с. 9). Показательно, что Толстой не описывает липу как цветущее дерево с мелкими желтоватыми цветочками с изумительным ароматом, прекрасный медонос, но дважды повторяет словосочетание «голая липка».

Композиция сказки выстроена так, что главным растением выступает не липа, хотя в нее превращается девушка и около нее кругами ходит парень, содравший лыки для новых лаптей. Главным цветком становится необыкновенная полынь — вокруг нее сооружена вся конструкция присказки: «Десятая неделя после Пасхи — купальские дни. Солнце самый пуп земли печет, и зацветает дивная Полынь-трава» (Толстой, 1923, с. 8). Именно полынь Толстой характеризует как цветок, а не как горькую полынь-траву, привычную для фольклорной поэтики, и снабжает ее эпитетом «дивная», вероятно, помня заглавие сказки «Диво дивное, чудо чудное» из сказочного собрания А. Н. Афанасьева, хотя совсем с другим сюжетом. Из присказки известно время цветения полынь-травы — на Ивана-Купалу (ср.: имя Иван у брата Марьи), а из сказки — местность произрастания — «на зыбком месте», что неявно указывает на связь растения с миром стихийных духов: неслучайно полынь-траву нужно бросить в лицо водяному, который ее боится, и произрастает она в «черной туче» у «мужичка с локоток, красной шапочки»; таким способом создается зеркальная конструкция — Земля и Небеса, точнее — земная влага и небесная, олицетворяемые водяным и мужичком из тучи.

Мотив спасения Марьи, ставшей русалкой-мавкой, и возвращения ей человеческого облика с помощью бросания полыни-травы является творческим преобразованием выписки Толстого — реферирования «Поэтических воззрений славян на природу» А. Н. Афанасьева и «Нечистой, неведомой и крестной силы» С. В. Максимова (эти труды указаны в записной книжке с заглавием «Черная книга» 1900-х годов): «Полынь — средство против маек. После семой <семика?> в лес иди, полынь бери, майка подбежит, спросит: полынь или петрушка, — скажи “полынь”, а она — “прячься под тын”, и убежит; скажешь “петрушка”, ответит: “ты моя душка”, — и зацелует» (ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 9 об. — Толстой А. Н. Черная книга; Максимов, 1903, 103; Афанасьев, 1869, с. 241–242, 309).

В народе полынь (и зóря) считалась оберегом от русалок — травой окаянной, бесколенной. Накануне Клéчальной (Зеленой) субботы (перед Троицей) мужчины запасались полынью и зóрею против обаяния русалок, перед купанием или походом в лес (Снегирев, 1837, с. 173–174; Афанасьев, 1869, т. 3, с. 309; Забылин, 1880, с. 64; Максимов, 1903, с. 103; Коринфский, 1901, с. 281–282). В трехтомнике А. Н. Афанасьева, реферируемом Толстым, сказано: «От нападения русалок предохраняют полынь и зоря; потому прежде, чем станешь купаться, надо набросать этих трав в воду, а отправляясь в лес — вплетать их в венки и подвязывать под мышки. При встрече русалка спрашивает: что у тебя — полынь, мята или петрушка? Если ей скажут: “полынь”, она сердито отзывается: “цур тоби, сгинь!” и тотчас же убегает <...>» (Афанасьев, 1869, т. 3, с. 309).

До А. Н. Афанасьева об этом поверье сообщил И. М. Снегирев, используя малороссийский термин «мавки» и указав приуроченье обычая к самым

коротким летним ночам: «В Горобинные (воробьиные) ночи бывают свадьбы и танцы русалок; тогда поселяне не купаются в реках и не ходят поодиночке в поле и лес, чтобы мавки не защекотали (залоскотали) или не закачали. Мущины и женщины накануне этих дней запасаются зорею и полынью, как предохранительными средствами против нападения русалок» (Снегирев, 1837, с. 173–174).

У Толстого в «Иване да Марье» ощущается сильное влияние сказки «Иван-царевич и Марфа-царевна» из собрания А. Н. Афанасьева: имя «мужичок сам с ноготь, борода с локоть», мотив поединка Ивана-царевича со Змеем и др. (Афанасьев, 1957, т. I, с. 215, № 125). Как уже говорилось, праосновой сказки послужил купальский этиологический миф о цветке Иван-да-Марья. В основе мифического предания об этом цветке лежит мотив инцеста, который в народном представлении воплощает идею о максимальном плодородии и расценивается как самая крепкая брачная связь (Байбурин, 1983, с. 71). На Украине цветок известен под названием «брат с сестрою» (этот факт отражен у А. Н. Толстого) и опоэтизирован в народной песне об отъезде молодца на чужую сторонушку и его женитьбе на неузнанной родной сестре:

Ходим, брате, до бору,
Станем зильем-травою:
Ой, ты станешь жовтый цвит,
А я стану синий цвит.

Афанасьев, 1868, т. 2, с. 505–506.

Неизвестно, знал ли Толстой рецензию О. Ф. Миллера (упоминаемого в записной «Черной книге» писателя) на фольклорный сборник П. В. Шейна «Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями...» (1874). В рецензии содержится рассуждение ученого об этиологическом мифе с мотивом инцеста, которое он относит к отголоскам славянской архаики и трактует в духе атмосферной мифологии: «<...> купальская песня, в которой роковое кровосмешение брата с сестрой завершается превращением их в цветок. <...> В основе этого сказания, не даром связанного с празднованием купальской ночи (с 23-го на 24-е июня), лежит, может быть, мифический образ того, свойственного этой поре года, сочетания вечерней зари с занимающимся днем, которое, при представлении этих явлений в мифах сестрой и братом, могло оказаться кровосмешением» (Миллер, 1876, с. 1–2). Толстой, безусловно, знавший из научных трудов купальский миф об инцесте, тем не менее не занимался его художественным воплощением в своем сказкотворчестве, а, наоборот, проигнорировал его и выстроил совершенно иной сюжет. От купальского мифа в сказке Толстого сохранились лишь главные герои — брат с сестрой, Иван да Марья, чьи имена, с одной стороны, являются наиболее типичными для русских людей со времен Крещения Руси, а с другой — дали название цветку (см. выше).

Из собираемых в канун Купалы разных трав особенно ценился цветок иван-да-марья: в Беларуси ему посвящена песня о купании брата с сестрой, в Москве существовал обычай париться веником с этим цветком (Афанасьев,

1868, т. 2, с. 505–506; Забылин, 1880, с. 79; Коринфский, 1901, с. 310–311). А. Н. Толстой выстроил целую цепочку волшебных растений: с помощью пыли липа-оборотень превращается в девушку, и она уже вместе с братом — в подтексте — оборачивается цветком иван-да-марья.

Еще одна сказка — «Соломенный жених» Толстого — построена по схеме этиологического мифа, связанного с полевым цветком. Вся сказка основана на идее оборотничества, полна сплошных трансформаций: кот превращается в овинника и наоборот, черный кот — в белого, ржаной сноп — в жениха с синими глазами, и он с невестой, замерзнув в поле, становятся рожью с васильками; в художественной литературе частотны примеры васильковых глаз (Огольцева, 2023, с. 109–110). Как и в сказке «Иван да Марья», в «Соломенном женихе» происхождение цветка — собственно развязка этиологического мифа — представлено в концовке, причем (в отличие от первого сказочного произведения) открыто и прямолинейно: «Смотри, как рожь всколосилась, а с ней переплелись васильки цветы...» — сказали проходящие мимо поля «добрые люди», а повествователь завершил текст характеристикой запаха цветов как особо присущим им положительным свойством: «Душисто» (Толстой, 1923, с. 20).

В сказке «Иван-царевич и Алая-Алица», где мимоходом упомянуты русалки-мавки, цветы в середине повествования представлены обобщенно, без конкретизации растений — как характеристика времени года и весеннего пейзажа: «Сбежал снег с поляны, на земле поднялись, зацвели цветы» (Толстой, 1923, с. 16). Примененный Толстым тавтологический оборот «зацвели цветы» типичен для фольклора как привычная речевая модель, используемая для усиления выразительности художественного образа или каких-либо сведений.

В сказке «Странник и Змей» (вариант заглавия — «Странник и змей») уже в зачине указана группа растений — бурьян, необходимая для обозначения календарного сезона как времени разворачивания сюжета: «Багряное солнце садилось над мерзлым бурьяном, скрипели журавли колодцев, вдова Акулина пела у окошка горемычную песню, а по деревне проходил странник» (Толстой, 1923, с. 20). Безусловно, в состав бурьяна входят разнообразные растения, в том числе отцветшие травы, иначе говоря — сухие цветы, но Толстому важно показать предзимье как переходную пору от осени к зиме, и делает он это с помощью словосочетания с эпитетом — «мерзлый бурьян» — с почти цветочной семантикой.

В «Проклятой десятине» только что зацветающие или даже цветущие хлебные злаки выведены уже в сказочном зачине, и упоминание запаха ржи дает отсылку к сказке «Соломенный жених»: «Клонит ветер шелковые зелена, солнце в жаворонковом свисте по небу летит, и от земли идет крепкий, ржаной дух» (Толстой, 1923, с. 22). О цветущих сельскохозяйственных растениях бытовало у русских крестьян поверье, что «хлеб зóрит», т. е. далекие зарницы освещают преимущественно в темное время суток будущие колосья, пыльца от цветения которых летала в воздухе. Однако Толстой не использовал данный фольклорный мотив в своей сказке, оставив только его отголосок во фрагменте

«в четверг после дождя»: этот авторский вариант фразеологического оборота имеет двойственный смысл и, помимо намека на мелькающие молнии-зарницы после ливня, отсылает к поговорке о невозможном — «После дождичка в четверг». Результат цветения зерновых представлен глазами бобыля: «Видит — выпустили зелена трубку, распахнули лист, и шумит усатый пшеничный колос» (Толстой, 1923, с. 22). Еще одним намеком на цветущее растение (хотя бы в прошлом для участников событий) оказалась сирень: «Под сиреневым кустом сели дворянские дети, взяли каждый по пирожку и откусили» (Толстой, 1923, с. 22). Сирень — садовое растение, ее высаживали в парках и помещичьих усадьбах из эстетических соображений (ради аромата и красоты), поэтому в сказке Толстого она важна как элемент дворянского быта — в противовес флоре низших сословий, исключительно полезной для жизни, обеспечивающей пропитание людей: крестьянской ржи и бобыльской пшенице (вероятно, писатель через упоминания конкретных хлебных злаков хотел сделать обобщение зерновых культур).

Этиологическое содержание сказки, уподобляющее ее мифу о происхождении растения, звучит в превращении бобыля, нарушившего народную заповедь об уважении к родной земле, в колючее растение: «Руки растопырились и одеревенели, через колени на землю поплыл живот, и полезли из бобыля шипы, а волосы стали дыбом, как репей» (Толстой, 1923, с. 23). Упомянутый в сравнении (в данном случае — при обрисовке внешнего вида оборотня — человека-растения) репей цветет красивым малиновым цветком, но Толстой подчеркнул в нем только колючесть, очевидно, последовав за народным восприятием сорной травы. Концовка «Проклятой десятины» перекликается с зачином «Странника и Змея» посредством образа бурьяна: «Кругом бобыля порос густой и непролазный бурьян по всей десятине» (Толстой, 1923, с. 23). Бурьян (его синоним — «колючие поросли») здесь выступает в роли поглотившего бобыля-репья заросшего пространства — прежнего поля: «И долго спустя слышали в колючих порослях — жевало и ухало: то, сидя на земле, ел и проесть не мог проклятую муку проклятый бобыль» (Толстой, 1923, с. 23).

Если бобыль превратился в репей в «Проклятой десятине», то в «Зверинном царе» заглавный персонаж испытал подобное превращение в лопух — в тот же репей, как часто именуют его в обычной речи: «Вместо рук у царя — лопухи, ноги вросли в землю, на красной морде — тысяча глаз» (Толстой, 1923, с. 25). Так что и в «Зверинном царе» Толстой продолжил излюбленную линию уподобления авторских сказок этиологическим мифам о растениях — предшественникам народных преданий о возникновении трав, цветов и деревьев. Подчеркнем, что Толстой использовал схемы превращения героев не только в цветы, но и в деревья; так он поступил с героями сказки «Странник и Змей»: «Пропали стены. Вместо девушек — березы в иине, парни — ели, а Акулина — ива плакучая, вся в сосульках» (Толстой, 1923, с. 22).

Помимо привычных для сельской местности цветущих трав, Толстой любит изображать в «Русалочьих сказках» болотные растения, сопрягая их с духами природы и полагая их атрибутами мифологических существ. В этом отношении интересна сказка «Хозяин», в первой публикации которой было использовано написание заглавия в кавычках, что уравнивало в правах и одновременно разъединяло две персоны — реального хозяина дома и дворного (он напрямую не назван) как его мифическую ипостась. По народному поверью, козел охраняет остальных домашних животных от проделок дворного, а в сказке Толстого он защищает вороного коня от нападок мнимого «хозяина», загонявшего это домашнее непарнокопытное животное и ощущавшего полным властителем его судьбы. Но тут вмешался козел, и его защита — как мифологического персонажа — в полной мере осуществилась среди болотных растений — камышей: «Перебежал плотину, стал — кудластый, и пошел от козла смрад — в пруду вода зашевелилась, и отовсюду, из камышей, из-под ветел, повылезла вся нечисть болотная, поползла по полю, где вороной под “хозяином” бился» (Толстой, 1923, с. 26). Если здесь среди болотных цветущих растений появляется «нечисть болотная», то в проанализированной сказке «Иван да Марья» в подобном растительном сообществе обитает водяной, сам покрытый водорослями и другими мелкими травами: «Встанет над озером месяц, начнут булькать да ухать в камышинных заводях, захлюпают по воде словно вальками, и выкатит из камышей на дубовой коряге водяной, на голове колпак, тинной обмотан»; и далее: «Вдруг из камыша вылезла синяя, раздутая голова в колпаке» (Толстой, 1923, с. 8). В сказке же «Водяной» указанный мифологический персонаж уже не окружен болотными растениями, от них осталась лишь одна примета — травянистый цвет озерного дна: «Проехало чучело, ухватило лапой мужика, посадило с собой рядом; помчались к озеру да с кручи вместе — прыг в воду, очутились на зеленом дне» (Толстой, 1923, с. 11).

Из сказок, вошедших в раздел-цикл «Сорочьи сказки», особый интерес представляет «Сорока», в которой также содержится мифологическая линия сюжета. Синичка-птичка предлагает объевшейся и мучающейся животом сороке растительное лекарство: «<...> я средство знаю: трава Сандрит, от всех болестей целит». Сорока-белобочка выясняет: «А где Сандрит-трава растет?» — и получает ответ: «А у черта на кулижках» (Толстой, 1923, с. 37). Однако сорока не верит в существование такого чудодейственного растения, не идет на болото и из-за болезни становится голобокой.

Пока не установлен прообраз этой травы, возможны только приблизительные догадки: 1) сандрит — это шандра — растение семейства губоцветных (писатель допускает звуковые замены «ш» и «с» — ср.: имя царевны Самакан из одноименного стихотворения произошло от Шамаханской царицы); 2) фольклорное приворотное зелье симтарин — четверолистник: «первый синь, другой червлен, третий желт, а четвертый багров»; 3) сомнит — девясил высокий (*Tnilahelenium*); 4) сандарак — финикийский кедр (*Callitris quadrivabvis*),

внешне похожий на можжевельник или кипарис, родом из северной Африки; в России во времена А. Н. Толстого сандараковая смолка использовалась писцами для притирания скоблешек против растекания чернил по листу, входила в состав курительных порошков от ломоты и ревматизма и применялась в качестве лака при растворении в эфирных маслах. В русском фольклоре известны волшебные растения, например разрыв-трава и прыг-трава, отпирающие все замки и открывающие сокровища (Аникин, 1985, т. 8, с. 450; Коринфский, 1901, с. 628; Попов, 1966, с. 70; Залесова, Петровская, 1901, т. 4, с. 876; Снегирев, 1837, с. 88).

Мысль о введении в художественную ткань сказки волшебного лекарственного растения и о «заговорopodobном» квазицитатном оформлении (будто бы в виде цитаты из несуществующего заговора) могла появиться у Толстого при чтении или даже беглом просмотре фольклорных материалов по народной медицине, опубликованных в журнале «Живая старина» в 1897 году и отмеченных в списке прочитанных изданий в «Черной книге» писателя. Так, в «Живой старине» помещены «Надобья» и «Растения с чудесной силой», а также «Наговоры лекарки Александры Афанасьевны Ананьиной», «Наговоры от разных лиц» и «Заговоры» (Макаренко, 1897, с. 386–439).

Еще один источник, известный Толстому и отмеченный в его «Черной книге», — это «Книга, глаголемая Травник» Н. В. Калачова, в которой перечислено 42 травы — реальных и фантастических (Калачов, 1859, с. 76–83). Трава «симтарин» здесь имеет другое название — «архилим» — и указана под номером один (Калачов, 1859, с. 77). Толстой прочитал мнение Н. В. Калачова о пользе изучения рукописных травников и об их относительной старине (опубликованный травник относится к первой половине XVIII века) (Калачов, 1859, с. 76).

Выдвинем еще одну гипотезу: сандрит-трава могла быть намеком на имя Александры Леонтьевны Бостром — детской писательницы и матери А. Н. Толстого, побудившей его к сочинительству; ее ко времени создания «Сороки» уже не было в живых, но сын всю жизнь хранил о ней нежные воспоминания. Ср.: Сандро — так С. А. Есенин звал друга Александра Кусикова.

Заключение

Итак, четыре из четырнадцати мифологических сказок Толстого построены на основе этиологических мифов о появлении растений в мире; некоторые цветы даны для наполнения ландшафта растительностью; используется также фантастическая трава — наравне с преобладанием реальных цветов и деревьев; при этом не все сказочные произведения включают в себя цветочные образы. Небольшое количество мифических трав и других цветущих растений, использованных Толстым, не отменяет их важной мировоззренческой сути для писателя;

наоборот, в ряде случаев приводит к постановке таких значимых цветов в центр композиции, к использованию для раскручивания сюжета и для показа изменчивости человеческой судьбы. Некоторые цветы были созданы воображением писателя и получили в контексте его сказок индивидуально сгенерированное мифологическое наполнение.

Список источников

1. *Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка.* (1979). Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков (Сост.). Наука.
2. Хетагурова, Д. К. (2022). Специфика трактовки флорообраза «подснежник» в поэзии символизма (К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб, А. И. Токаев). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 15(9), 2845–2850.
3. Смирнова, А. И., & Кузуб, Ю. В. (2023). Флороязык как медиатор трансляции культурных смыслов (предметное поле современного этапа флоропоэтологии). *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки*, 3, 74–80.
4. Дякина, О. В., & Парамонова, А. Л. (2021). Образы цветов в художественной литературе. *Альманах мировой науки*, 10(53), 12–17.
5. Аркатова, А. Е. (2021). «Разочарования протяжность»: эстетика поэзии Серебряного века в стихотворении Ольги Берггольц «Полынь». *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 5, 42–49.
6. Ковалева, О. Г. (2023). Семантическая подгруппа «цветы» лексико-тематической группы «растения» в лирике И. Северянина. *Наукоффера*, 7(2), 163–168.
7. Полякова, А. Н. (2022). Метафоризация травянистых растений в лирике А. А. Ахматовой. *Интерактивная наука*, 11(76), 46–49.
8. Разумовская, А. Г. (2023). «Символ тайный иных миров»: поэтический «букет» русских модернистов. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки*, 3, 85–90.
9. Сергеева, О. М., & Чэн, Л. (2021). Растительный мир в образной структуре ранней лирики А. Ахматовой. *Слово. Грамматика. Речь* (с. 165–179). *Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ.* МАКС-Пресс.
10. *Ботаника для юношества, содержащая начальные основания ботаники и изображения 102 растений.* (1826). И. Кастальский (Пер.). Типография И. Глазунова и его иждивением.
11. *Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона.* (1890–1904). Т. 1–50, 51–82.
12. Толстой, А. Н. (1924). *Кот — сметанный рот.* Издательство Брокгауз – Ефрон.
13. В. <криптоним> (1910). В. Сорочьи сказки. Гр. А. Н. Толстой (Мирза Тургень). Общественная польза. <Рец.>. *Всеобщий ежемесячник.* Брокгауз – Ефрон. 3, март.
14. Толстой, А. Н. (1949). *Полное собрание сочинений:* в 15 т. Т. 13. ГИХЛ.
15. *Воспоминания об А. Н. Толстом.* (1982). 2-е изд., доп. Советский писатель.
16. Даль, В. И. (1881). *Толковый словарь живого великорусского языка:* в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. Тип. М. О. Вольфа.
17. Толстой, А. Н. (1909). Еж-богатырь. Мудрец. Топор. *Тропинка.* 1 января, 1, 34–38.

18. Колосья. (1909). *Литературный альманах*. Кн. 1. Издание журнала «Театр и искусство».
19. *Книжная летопись*. (1909). 21 марта. № 12.
20. Толстой, А. Н. (1910). *Сорочьи сказки*. Общественная польза.
21. Толстой, А. Н. (1923). *Приворот*. Госиздат.
22. Афанасьев, А. Н. (1865). *Поэтические воззрения славян на природу*: в 3 т. Издание К. Солдатенкова. Т. 1.
23. Афанасьев, А. Н. (1868). *Поэтические воззрения славян на природу*: в 3 т. Издание К. Солдатенкова. Т. 2.
24. Афанасьев, А. Н. (1869). *Поэтические воззрения славян на природу*: в 3 т. Издание К. Солдатенкова. Т. 3.
25. Снегирев, И. М. (1837). *Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 1*. Университетская типография.
26. Забылин, М. М. (1880). *Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*. Издание книгопродавца М. Березина.
27. Максимов, С. В. (1903). *Нечистая, неведомая и крестная сила*. В. Н. Тенишев.
28. Коринфский, А. А. (1901). *Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа*. Издание книгопродавца М. В. Клюкина.
29. Афанасьев, А. Н. (1957). *Народные русские сказки*: в 3 т. Т. 1–2. ГИХЛ.
30. Байбурин, А. К. (1983). *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. Наука.
31. Миллер, О. Ф. (1876). <Рец. на:> Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. *Сборник П. В. Шейна 1874 года* (с. 1–2). Типография Императорской Академии наук.
32. Огольцева, Е. В. (2023). Васильки и колокольчики в русской языковой картине мира. *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*, 4(52), 104–117.
33. Аникин, В. П. (1985). Комментарии. Толстой А. Н. *Собрание сочинений*: в 10 т. Художественная литература. Т. 8.
34. Попов, А. П. (1966). *Лекарственные растения в народной медицине*. Здоров'я.
35. Залесова, Е. Н., & Петровская, О. В. (1901). *Полный русский иллюстрированный словарь-травник и цветник*: в 4 т. А. Гаспари. Т. 4.
36. Макаренко, А. (1897). Материалы по народной медицине Уржумской волости, Ачинского округа, Енисейской губ. со сборником народных медицинских средств той же волости (Окончание). *Живая старина*, II, 386–439.
37. Калачов, Н. В. (1859). Книга, глаголемая Травник. *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым*. Кн. 1, 76–83. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

References

1. *Comparative Index of Stories: East Slavic Fairy Tales*. (1979). L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov (Comp.). Nauka. (In Russ.).
2. Khetagurova, D. K. (2022). Specificity of the interpretation of the flora image «snowdrop» in the poetry of symbolism (K. D. Balmont, F. K. Sologub, A. I. Tokayev). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 15(9), 2845–2850. (In Russ.).

3. Smirnova, A. I., & Kuzub, Y. V. (2023). Florolanguage as a mediator of translation of cultural meanings (subject field of the modern stage of floropoetology). *Bulletin of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art History. Philological Sciences*, 3, 74–80. (In Russ.).
4. Dyakina, O. V., & Paramonova, A. L. (2021). Images of flowers in fiction. *Al'manah mirovoj nauki*, 10(53), 12–17. (In Russ.).
5. Arkatova, A. E. (2021). «Disappointment extension»: the aesthetics of Silver Age poetry in Olga Bergholtz's poem «Wormwood». *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 5, 42–49. (In Russ.).
6. Kovaleva, O. G. (2023). Semantic subgroup «flowers» of the lexico-thematic group «plants» in the lyrics of I. Severyanin. *Naukosfera*, 7(2), 163–168. (In Russ.).
7. Polyakova, A. N. (2022). Metaphorization of herbaceous plants in the lyrics of A. A. Akhmatova. *Interactive science*, 11(76), 46–49. (In Russ.).
8. Razumovskaya, A. G. (2023). «Symbol of secret other worlds»: the poetic «bouquet» of Russian modernists. *Bulletin of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art History. Philological Sciences*, 3, 85–90. (In Russ.).
9. Sergeeva, O. M., & Cheng, L. (2021). Plant world in the figurative structure of A. Akhmatova's early lyrics. *Slovo. Grammar. Speech* (pp. 165–179). Collection of scientific and methodological articles on teaching RCT. MAKS-Press. (In Russ.).
10. *Botany for Youth, Containing the Initial Foundations of Botany and Pictures of 102 Plants*. (1826). I. Kastalsky (Per.). Tipografiya I. Glazunov and his dependence. (In Russ.).
11. *Brockhaus-Efron Encyclopedic Dictionary*. (1890–1904). Vols. 1–50, 51–82. (In Russ.).
12. Tolstoy, A. N. (1924). *The cat is a sour cream mouth*. Izd-voor Brockhaus – Efron. (In Russ.).
13. B. [kriotonim]. (1910). V. Magpie tales. Gr. A. N. Tolstoy (Mirza Turgen). *Obshchestvennaya pol'za*. <Rez.>. *General monthly*. Brockhaus-Efron. 3, March. (In Russ.).
14. Tolstoy, A. N. (1949). *The Complete Works*: in 15 vols. GIHL. Vol. 13. (In Russ.).
15. *Memories of A. N. Tolstoy*. (1982). 2nd ed., supplemented. Sovetskij pisatel'. (In Russ.).
16. Dahl, V. I. (1881). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: in 4 vols. 2nd ed., revised and supplemented. Tipografiya M. O. Wolf. Vol. 2. (In Russ.).
17. Tolstoy, A. N. (1909). The hedgehog-godaty. Sage. Axe. *Tropinka. January 1*, 34–38.
18. Spikes. (1909). *Literary almanac*. Book 1. Izdanie zhurnala «Teatr i iskusstvo». (In Russ.).
19. *Book Annals*. (1909). March 21. № 12. (In Russ.).
20. Tolstoy, A. N. (1910). *Magpie tales*. *Obshchestvennaya pol'za*. (In Russ.).
21. Tolstoy, A. N. (1923). *Privorot*. Gosizdat. (In Russ.).
22. Afanasyev, A. N. (1865). *Poetic views of the Slavs on nature*: in 3 vols. Edition by K. Soldatenkov. Vol. 1. (In Russ.).
23. Afanasyev, A. N. (1868). *Poetic views of the Slavs on nature*: in 3 vols. Edition by K. Soldatenkov. Vol. 2. (In Russ.).
24. Afanasyev, A. N. (1869). *Poetic views of the Slavs on nature*: in 3 vols. Edition by K. Soldatenkov. Vol. 3. (In Russ.).
25. Snegirev, I. M. (1837). *Russian common people's holidays and superstitious rites, vol. 1*. Universitetskaya tipografiya. (In Russ.).

26. Zabylin, M. M. (1880). *Russian people, their customs, rites, traditions, superstitions and poetry*. Edition of the bookseller M. Berezin. (In Russ.).
27. Maximov, S. V. (1903). *Unclean, unknowable and cross power*. V. N. Tenishev. (In Russ.).
28. Korinfsky, A. A. (1901). *Narodnaya Rus: Round Year of Tales, Beliefs, Customs and Proverbs of the Russian People*. Edition of the bookseller M. V. Klyukin. (In Russ.).
29. Afanasyev, A. N. (1957). *Folk Russian fairy tales: in 3 vols*. Vol. 1–2. GИЛ. (In Russ.).
30. Baiburin, A. K. (1983). *Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs*. Nauka. (In Russ.).
31. Miller, O. F. (1876). <Rec. on:> Belarusian folk songs with the rites, customs and superstitions relating to them, with an appendix of explanatory vocabulary and grammatical notes. *Collected by P. V. Shein 1874* (pp. 1–2). Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk. (In Russ.).
32. Ogoltseva, E. V. (2023). Vasilki and bells in the Russian linguistic picture of the world. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 104–117. (In Russ.).
33. Anikin, V. P. (1985). Commentary. Tolstoy, A. N. *Collected Works: in 10 vols*. Khudozhestvennaya literatura. Vol. 8. (In Russ.).
34. Popov, A. P. (1966). *Medicinal plants in folk medicine*. Zdorov'ya. (In Russ.).
35. Zalesova, E. N., & Petrovskaya, O. V. (1901). *Complete Russian illustrated dictionary-herbalist and florist: in 4 vols*. A. Gaspari. Vol. 4. (In Russ.).
36. Makarenko, A. (1897). Materials on folk medicine of the Urzhumskaya volost, Achinsk district, Yenisei province, with a collection of folk medical remedies of the same volost (Ending). *Zhivaya starina, II*, 386–439. (In Russ.).
37. Kalachov, N. V. (1859). Book, glagolemaya Travnik. *Archive of historical and practical information relating to Russia, published by Nikolai Kalachov*. Book 1, 76–83. Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Елена Александровна Самоделова — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук.

Elena A. Samodelova — D. Sc. (Philology), Senior Researcher at the Folklore Department of the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.